

Polylogos. 2013-2022

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 4 Volume 4. 2020

Political as urbanistic: about the book by Göran Therborn "Cities of power: city, nation, people, globality"

Veronika Sharova

Institute of Philosophy RAS

Russian Federation, 109240, Goncharnaya st., 12/1

Abstract

The article is an overview of the main provisions of the new book by Göran Therborn, a sociologist and professor at the University of Cambridge. The city as a political and symbolic phenomenon is viewed by the author of the book through the prism of four social forces: urban, national, popular and global ones, and this analysis is based on an impressive large-scale amount of historical and empirical data. The article primarily examines those aspects of Therborn's research that relate to modernization, nation-building and globalization - interrelated processes that largely determined the contours and landscape of modern civilization, primarily in its urban dimension.

Keywords list (en): power, city, sociology of the city, nation state, globalization, communities, modernization, symbols of power, people

Date of publication: 31.12.2020

Citation link:

Sharova V. Political as urbanistic: about the book by Göran Therborn "Cities of power: city, nation, people, globality" // Polylogos. – 2020. – V. 4. – № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110013293-4-1/> DOI: 10.18254/S258770110013293-4

1 Книгу кембриджского профессора Йорана Терборна, в оригинале вышедшую в 2017 г. и оперативно переведенную на русский язык, сам автор в предисловии характеризует следующим образом: «книга о встречах и отношениях четырех социальных сил: городской, национальной, народной и глобальной»¹.

2 Определить её место в системе гуманитарного знания можно было бы следующим образом. С одной стороны, социология города – уже вполне классическое направление науки об обществе, «отцами-основателями» которого стоило бы назвать Макса Вебера и Георга

Зиммеля. Вебер в своем эссе «Город» исследует исторические и экономические предпосылки и причины формирования городской среды европейского типа²; предмет интереса Зиммеля – «психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города»³, а в серии очерков о городах Италии он даже поэтичен⁴. Современные же исследования города как политического и социокультурного, а не только социально-экономического феномена, чрезвычайно разнообразны, они демонстрируют различные сюжетные, методологические, даже идеологические грани. В случае «Городов власти...» последний параметр считается без труда: книга написана с постмарксистских позиций; в данном случае это обстоятельство важно, что будет продемонстрировано далее. Магистральный же мотив книги сам Терборн поясняет так: «за моим интересом к хореографии городской, национальной, народной и глобальной сил скрывается мой прежний исследовательский интерес к формам и отношениям власти, к смыслам, идеологии и символическим формам»⁵.

3 Заявленное проблемное поле, на первый взгляд (да и на второй и т.д.) кажется почти необъятно широким. Мы бы структурировали его при помощи трех опорных точек: модернизация, нацистроительство, глобализация. Эти три метасюжета Терборн исследует в фокусе одной темы: рост и развитие городов во всем их многообразии, но и сходстве – сходстве смысловом и символическом, которое они обрели в эпоху Модерна и сохраняют по сей день, когда сами основания современности постоянно подвергаются вызовам, сомнениям и трансформациям. «Города влияют на нас пространственной структурой социальных отношений, смыслами, которыми они обеспечивают жизнь общества. Это можно считать городской властью, однако города в национальном государстве не являются такими же влиятельными властными акторами, как национальная, народная и глобальная силы», уточняет Терборн⁶.

4 Книга разбита на десять глав, и уже одно перечисление из заглавий позволяет читателю составить впечатление относительно того, насколько этот социологический труд обстоятелен и, одновременно, насколько обширный и подробный исторический экскурс его подкрепляет. Позволим себе перечислить хотя бы несколько пунктов: «Национальные основания. Европа: преобразование княжеских городов»; «Национальные основания: отделившиеся государства колонистов»; «Народ поднимается: народные моменты в современной городской истории»; «Апофеоз власти: фашизм и похожие диктатуры»; «Возникновение и исчезновение коммунизма»; «Глобальные моменты в национальных городах»... И, наконец, заключительная глава с многозначительным подзаголовком «Кода: глобальный капитал, будущее национальных столиц и людей, которые в них живут»... Если не исчерпывающий обзор общественно-политических и идейных оснований цивилизации Нового и Новейшего времени, то уж, во всяком случае, обозначение её ключевых источников.

5 На чем же предлагает сосредоточиться Терборн, обращаясь к анализу города как средоточия и символа власти? Он выделяет два аспекта: собственно урбанистический и политический. Если первый включает в себя такие переменные, как «пространственный план, функциональность, схемы расположения зданий, архитектура, монументальность, топонимия»⁷, то политический предполагает соотношение архитектурных форм с выражением «грамматики власти». Этот термин принадлежит не Терборну: здесь он ссылается на норвежского теоретика архитектуры Томаса Тис-Эвенсена⁸, расшифровывая далее, что же подразумевается под подобной «грамматикой». По Тис-Эвенсену, шесть переменных в этом отношении значимы для власти: закрытость, вес, размер, дистанция, симметрия... Крупные, тяжеловесные, удаленные, симметричные объекты наиболее отчетливо ассоциируются с властью; из этой вроде бы вполне убедительной логической конструкции, на наш взгляд, несколько выбивается пункт «вертикальность»: «чем более высоким является здание, тем более концентрированной и более авторитарной является, скорее всего, власть того, кто его построил...»⁹ Не вполне понятно, как в этом отношении поступить, к примеру, с американскими небоскребами эпохи ар-деко (к египетским пирамидам и сталинским высоткам у нас подобных вопросов не возникает) – зданиями, буквально воспеваемыми в камне и бетоне конкурентную систему свободного

предпринимательства¹⁰. Тем более, что далее и в самой книге есть сходное замечание: американские небоскребы в XX в. «конечно же, стали символами глобального капитализма»¹¹, отмечает Терборн, тут же цитируя американского историка архитектуры Кэрл Уиллис¹², назвавшую небоскребы «главным элементом архитектуры капитализма»... Подробнее об этом идет речь в десятой главе, посвященной завоеваниям глобализма в городском пространстве.

6 Тут, кстати, стоит отметить, что Йоран Терборн – действительно щедрый автор; он охотно ссылается на коллег, демонстрируя как впечатляющую эрудицию, так и исследовательскую щедрость, которая, как представляется, не так-то часто встречается в современной научной среде. Читателю, взявшемуся за «Города власти», эти рекомендации наверняка будут не лишними: в особенности Терборн отмечает «Архитектуру, власть и национальную идентичность» Лоуренса Вэйла¹³, работы швейцарца Вольфганга Зонне¹⁴, коллективную работу «Планирование столиц в XX веке» под редакцией Дэвида Гордона¹⁵; и в особенности ценно видеть в этом перечне «Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения» Вадима Россмана – ну хотя бы по той причине, что это интереснейшее исследование опубликовано на русском языке¹⁶.

7 Одна из центральных тем книги – становление нации как политического явления и национализма как типа политического сознания – также, конечно, в соотношении с эволюцией города. Отдав должное «большой четверке» исследователей наций и национализма – Бенедикту Андерсон, Эрнесту Геллнеру, Энтони Смиту и Эрику Хобсбауму – Терборн вводит собственную краткую теорию национальной власти. Последняя, с его точки зрения, представляет собой концепцию «легитимной власти, которая отказывается от прежних концепций «божественной благодати», «небесного мандата», происхождения, как в случае княжеской династии или же олигархических *regimentsfähigen Familien* (семей, способных к правлению, как они назывались в швейцарских городских кантонах), а также возраста-и-происхождения, как в случае племенных старейшин» на этапе преобразования средневековых княжеских городов Европы в нововременные национальные государства¹⁷.

8 В контексте современной дискуссии о кризисе или, по крайней мере, существенных трансформациях национального государства как доминирующего актора глобальной политики, эти реминисценции, безусловно, представляют интерес. Терборн задает вопрос напрямую: чем является современное государство как таковое? И его ответ звучит достаточно обнадеживающе (по крайней мере, для завзятых этактистов или сторонников политического реализма, к которым сам автор, по всей видимости, не относится). «Ответ на этот вопрос, если преследуются аналитические, а не идеологические цели, лучше было бы не перегружать частными институциональными качествами, обычно выводимыми из характеристик родной страны исследователей или же некой идеальной страны. Простой, прямолинейный и неаприорный ответ — это национальное государство»¹⁸.

9 «Церковь, земля, город и король — вот к чему сводится предыстория национальных государств и национальных столиц»¹⁹, уточняет социолог, далее вводя в пространство исторического экскурса от донационального к национальному (а сегодня уже можно говорить и о постнациональном, пусть и фрагментарно) ряд важных уточняющих параметров. Это: колониализм и его последствия, модернизм и его отражение в архитектуре, тоталитарные идеологии XX в. – фашизм и коммунизм – и специфические «лица» их городов.

10 Переформатирование теории урбанистики и её «подвязывание» к постколониальным исследованиям – заметная тенденция в современном научном знании, по крайней мере – за рубежом, хотя мы, со своей стороны, убеждены в том, что эта проблематика и в контексте постсоветского пространства абсолютно «работает» и ждет обстоятельного анализа. В книге Терборна обстоятельствам колонизации и последствиям колониализма уделено немалое внимание, хотя бы ввиду того, что эти обстоятельства и последствия наложили довольно-таки разные отпечатки на облик городов Азии, Африки, Нового Света. В частности, примечателен пример Бразилии и совершенно особого варианта

бразильского архитектурного модернизма – на грани предельной рациональности и совершенной утопии (синтез в духе Ле Корбюзье). «Бразилия никогда не жила мифом о фронтире, свойственным США, однако, как и США, это была страна континентальных масштабов с мистикой неисследованных диких территорий»²⁰, отмечает Терборн.

11 Модернизм не случайно стал поистине национальным стилем бразильской архитектуры: Терборн напоминает, что Лусио Коста, «ученик, хотя и неофициальный», Ле Корбюзье, возглавил Школу изящных искусств в 1930 г., а в его команду входили Оскар Нимейер и ландшафтный архитектор Роберту Бурле Маркс, позднее активно работавший в Бразилиа. К тому же архитекторы, работавшие в стиле модернизма и брутализма, получали государственные госзаказы, что позволило им строить для крупных институций, таких, как министерство образования и здоровья в Рио 1936 г.²¹ Несмотря на то, что изначально Бразилиа казалась не более чем масштабным экспериментом, отмечает Терборн, «спустя столетия, ясно, что Бразилиа все-таки оказалась успешным проектом, став процветающим городом, мощным полюсом регионального экономического развития и масштабным памятником архитектурного модернизма». Опыт советского градостроительства, с его многочисленными примерами строительства городов с нуля, в том числе в тяжелых природных условиях и нечеловеческим напряжением человеческих сил, даёт тут богатую пищу для размышлений.

12 Применительно к тому же кейсу Бразилиа Терборн не преминул заметить, что «в то же время она стала и образчиком бразильского неравенства»²². Неравенство – чтобы заметить это, не надо быть марксистом – это и в самом деле одна из острейших проблем современных больших городов, обремененных ли колониальным прошлым или нет. В «Городах власти» отдельный раздел посвящен трущобам.

13 Трущобы – явление, имеющее столь богатую традицию в истории человечества, что само упоминание их вызывает множество ассоциаций: бедняцкие кварталы диккенсовского Лондона, московское «дно» – дореволюционная Хитровка, лабиринты гонконгского Коулуна... Терборн выбирает африканский вариант, неутешительно констатируя: тот факт, что «Найроби включает две крупнейшие трущобы в Африке, Киберу и Матаре, вполне вписывается в откровенно капиталистический характер города, выражая тем самым не расово-колониальный, а социально-экономический дуализм необузданного капитализма...»²³ По мысли социолога, «потерпевшие неудачу, зачастую жестокие проекты по искоренению трущоб свидетельствуют о том, что бессмысленно бороться с народными (миграционными) требованиями негативными методами. А трущобы — это не просто отрицание достойного человеческого жилища, у них своя сложная экономика и социология»²⁴.

14 При этом африканский город как таковой к разнообразию трущоб, конечно, не сводится: сравнивая постколониальный опыт урбанизма в Зимбабве и Мозамбике, Терборн отмечает, в частности, что у «южных мятежных столиц Хараре и Мапуту, бывших Солсбери и Лоренсу-Маркиш соответственно, совсем иная колониальная история формирования: одна была британским городом-садом в саванне, другая — более концентрированным, портовым городом португальцев с вертикальным делением. Обеим странам пришлось с оружием в руках отвоевывать свою независимость. В настоящее время обе страны пошли по капиталистическому пути развития, сделав первоначально иной выбор, но их городская топонимика указывает на два разных антиимпериалистических варианта». В этом отношении город демонстрирует, как в относительно близком соседстве являет себя идеологический универсализм (в данном случае, марксистско-ленинского толка) и националистическая особенность: на улицах Мапуту «увекочена память не только о Ленине, но также о Мао Цзэдуне, Ким Ир Сене и т.д. Тогда как улицы Хараре носят исключительно африканские имена: Джулиуса Ньерере, Саморы Машела, Кеннета Каунды, Роберта Мугабе (но не главная улица) и националистических деятелей Зимбабве...»²⁵

15 Пятая глава книги представляется центральным смысловым звеном, так как в ней Терборн обосновывает и иллюстрирует понятие «реактивной модернизации» — принципиального для понимания логики «городов власти». Он отталкивается от следующего

определения: «Реактивная модернизация обозначает социально-политические трансформации, отсылающие к концепции политического правления, которое по крайней мере в решающих своих чертах зависит от нации, хотя не обязательно вытекает из нее юридически или идеологически, — нации, построенной сверху в ситуации серьезной внешней угрозы». Несмотря на то, что корни реактивной модернизации просматриваются примерно в середине XIX в., наглядные примеры, к которым обращается Терборн, обретаю свои узнаваемые черты позже, уже в 20-30-е гг. XX в. Это: Токио, Бангкок, Стамбул и Анкара, Тегеран и Аддис-Абеба.

16 Интересны точки соприкосновения в главных политических и идеологических направлениях, задавших визуальный характер всей эпохи Интербеллум. Например, в Турции Ататюрка «национальная республиканская архитектура 1930-х годов повернулась спиной ко всему ориенталистскому, или орнаментальному, и выработала монументалистский модернизм, родственной тому, что утвердился при итальянском фашизме. <...> Исключительно убедительным выглядит памятник Безопасности 1935 г. — огромный ансамбль, в центре которого изображены два нагих мускулистых воина великанского роста, представляющих полицию и жандармерию, следящих за безопасностью. Он был создан приглашенными Хольцмайстером Антоном Ханакон и Йозефом Тораком, которые работали также и для Гитлера со Шпеером», напоминает Терборн²⁶.

17 Политическое пространство большей части XX в. и в Европе, и за ее пределами отличалось особенной интенсивностью конфликта в отношении национального и демократического начал власти: архитектурное и инфраструктурное обрамление соответствующей городской среды выразительно демонстрирует это обстоятельство. Переформатировалось само понятие нации, полагает Терборн: при том, что ««нация» в национальном государстве может принимать различную окраску, от национально-имперской в Британии и Франции до белой и народной в США... во всех случаях «нация» включала или представляла лишь «элиту», определенную классом, расой/этничностью и гендером. Впоследствии эта эксклюзивная нация оказалась под вопросом и была преобразована, или можно по крайней мере сказать, что она подверглась эрозии. В некоторых странах и городах наступил народный момент национальной истории и городского развития, ставший своего рода разрывом»²⁷.

18 Феномен муниципального социализма в контексте широкой дискуссии о принципиальной достижимости государства всеобщего благосостояния — тема, особенно привлекающая внимание уже хотя бы потому, что этот контекст — послевоенное строительство, образ «светлого будущего» для человека труда и т.д. — не пустой звук для русскоязычного читателя. Национальное конкурирует с социальным как доминирующим началом во многих городах мира XX в., и порой уступает ему. Терборн приводит «образцовый пример» муниципального социализма: по его мнению, таковым стала Вена 1920–1934 гг. — «Красная Вена»... «Флагманом жилья Красной Вены стал Карл-Маркс-Хоф на 1400 квартир и 5000 жителей, со двором размером с городскую площадь, которая, собственно, и была там, пока комплекс не построили. У парадного входа стояли флагштоки, на которых на Первое мая и по другим важным датам рабочего класса поднимали красные флаги. Сами здания, хотя они и не были примерами архитектурного авангарда, стали свидетельством той политической власти над формой и пространством города, которую получили бедняки Вены. Кольцо жилых районов рабочего класса вокруг центра города стало известно под гордым названием «пролетарская Рингштрассе», которая противопоставлялась большим строениям имперской буржуазии конца XIX в.»²⁸

19 Несмотря на то, что Красная Вена пала в 1934 г. под натиском австрофашизма (который, что характерно, тут же отменил строительство государственного жилья), само это жилье не было уничтожено в качестве формы урбанизма, поясняет Терборн: «его памятники все еще можно посетить, а для местной буржуазии оно по-прежнему как бельмо в глазу»²⁹, не без оттенка злорадства добавляет социолог-марксист.

20 Эту линию размышлений есть смысл продолжать и с оглядкой на отечественный опыт и современность: как могло бы состояться и чем в итоге стало государство всеобщего

благополучия, сконцентрированное в масштабах социалистического и постсоциалистического города? Примером тут могли бы стать многочисленные архитектурные проекты периода «оттепели» в Советском Союзе, как реализованные (экспериментальный квартал Черёмушек в районе нынешней станции метро «Академическая»), так и лишь спланированные – знаменитый проект «Новый элемент расселения», который определенно нуждается в более внимательном исследовании.

21 Политическая конфликтность, спроецированная на городской ландшафт, описывается Терборном в категориях городских восстаний и городских революций. Первые не обязательно имеют острый характер и могут проявляться в пассивной форме – в частности, в виде так называемого сквоттинга. Терборн приводит впечатляющие цифры: «в Боготе, Лиме, Мехико и Рио – городах, где неформальные поселения сквоттеров являются весьма важной традицией, закрепившейся в 1960-е годы: в таких поселениях проживает 60% населения Мехико, около 40% — Лимы и Каракаса, 30% — Рио и 25% — Боготы... неформальный захват земельных участков и самострой — это еще и требование прав. По крайней мере в некоторых случаях они стали также инструментами коллективной социальной мобильности»³⁰. Интересно, что терборн настаивает на наличии политического, а не только экономического, смысла сквоттинга: по сути, это вкрапление анархического сценария в контур официального режима: «сквоттинг — это утверждение власти народа наперекор отрекающейся от народа официальной власти, от сотрудничества с которой зависят в конечном счете права бедняков на город и коммунальные услуги»³¹.

22 Что же до городских революций, то, с одной стороны, они активно заявляли о себе на протяжении XIX в., настолько, что к концу столетия Фридрих Энгельс уже предрекал им конец – Терборн напоминает об этом, ссылаясь на предисловие к новому изданию Марксова анализа революций 1848 г., «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.». «Энгельсовская эволюционная концепция социальных изменений в этом ее Spätstil (позднем стиле) была поставлена под вопрос в 1917 г. Россией, где обе победившие революции, Февральская и Октябрьская, были городскими. Но после этого история городов в течение 60 лет доказывала правоту Энгельса. Затем мир снова изменился», констатирует социолог. Он приводит целый перечень примеров того, как революционная ситуация меняла облик городов и политические смыслы, с ними связанные: Тегеран в 1979 г., Манила в 1986, городские революции эпохи распада Восточного блока – в Дрездене и Берлине, в Праге, Будапеште в 1989 г. и, наконец, в Москве в 1991 г. Характерно, что события 1991 г. Терборн называет городской революцией, берущей начало в Москве и распространившейся на обширной территории с локальными точками социально-политического напряжения – тоже, конечно, городскими.

23 «Городские революции или восстания вернулись, и это было удивительно. Теперь у них широкий социальный базис с ядром среднего класса, но довольно узкие политические цели. Они получили большее распространение, чем революции в Средние века или же в XIX в., в основном ограниченные Европой, теперь они, как правило, происходят на «полупериферии» мира, как ее называют сторонники мирсистемного анализа, т.е. за пределами центра устоявшихся выборных демократий, чья конституционная легитимность остается неприкосновенной, но также и за пределами беднейших частей мира, где насилие меньше контролируется и сдерживается», добавляет Терборн. Мы же, со своей стороны, можем заметить, что, если бы книга была бы написана в 2020 г., события в Минске также дали бы немалый эмпирический материал для подобных исследований.

24 Наследие авторитарных и тоталитарных режимов по-прежнему присутствует в облике мировых городов до той или иной степени: России в частности и постсоветского пространства в целом это касается в полной мере. Терборн однозначно описывает российский путь модернизации как «реактивный»: «реактивная модернизация была элементом прогрессивной царской повестки Петра I, Александра II, столыпинского консервативного правительства Николая II, а также правительств Ленина и Сталина»³², полагает он, и при этом, с его точки зрения, «совершенно неслучайно то, что два основных центра коммунизма возникли в странах, отличающихся особенно сложной, гибридной

траекторией движения к Модерну и национальному государству. Коммунисты вышли на первый план в сумбуре жестокой классовой эксплуатации и классовой борьбы, однако ни русские, ни китайцы не имели дела с уже состоявшимся современным национальным государством. Напротив, и тем и другим пришлось такое государство строить — многонациональное государство, ставшее сценой для проекта по превращению национальной отсталости в высочайший уровень развития из всех, какие только можно представить, т.е. в социализм и коммунизм»³³. На наш взгляд, этот тезис заслуживает более подробного разбора: нет ощущения, что проект «советский народ» (или же «суперэтнос», этот термин также был одно время в ходу) с его фоновым декларативным интернационализмом можно так уж однозначно ставить рядом с китайским сценарием.

25 Та же характеристика, которую Терборн дает «монументальной пропаганде» советского режима, напротив, представляется весьма точной и во всяком случае, любопытной. Согласно его выводам, «рамками коммунистического урбанизма стала осторожная и прагматическая программа. Ее главная мысль была простой и скромной: берегись радикальных утопий; уважай историю, но не ограничивайся ею... Яркой иллюстрацией ее является заявление Брежнева на съезде КПСС в 1971 г., который сказал, что Москва должна быть «образцовым коммунистическим городом», но не расшифровал, что именно это значит. Виктор Гришин, первый секретарь Московского горкома, не смог добавить к этому ничего особенного: «Образцовый коммунистический город — это город, в котором живут люди с высоким уровнем культуры и сознательности, город образцового общественного порядка»³⁴.

26 Что же касается современного города, то это явление достаточно противоречивое — как, вероятно, и всё, что мы вынуждены оценивать изнутри, являясь частью того целого, которое мы хотим охватить взором исследователя. Характер города постиндустриального и постмодерного Терборн описывает с помощью концепта «глобального момента», отмечая не только его технологические достижения, но и значительные социальные риски: «глобальный момент с его городской связанностью — это также и важный момент распада городских связей. Сильнее и нагляднее всего этот распад проявляется в огораживании: строительстве окруженных забором и стенами привилегированных анклавов, так называемых закрытых сообществ, хотя они могут быть не такими уж сообществами...»³⁵ Такого рода огораживание — явление конца XX в., поворачивающее вспять почти столетний процесс распространения общественных городских и коммунальных услуг»³⁶.

27 Парадоксальным (а в логике капитализма, может быть, и вполне закономерным) образом глобализм в урбанистическом измерении вовсе необязательно ведет к выравниванию и унификации — возможно, это еще одно поле возможностей для возникновения социально-экономических зазоров, водоразделов, если не пропастей. Это, впрочем, не диагноз, а предупреждение; закончить же наш обзор хотелось бы вопросом, на который сам Терборн ответа не дает: «Текущий глобальный момент — это звездный час глобального капитала. Он бросает особый вызов национальным столицам. Теряют ли они свой национальный характер или маргинализируются по сравнению с городами, более восприимчивыми к новым конstellациям власти?»³⁷

Remarks:

1. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В. Данилова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 10
2. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс-Ц.; Кучково поле, 2001. — 576 с.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос, 2002, №3-4. [Электронный ресурс] URL:[>>>>](#)
4. Зиммель Г. Флоренция. // Логос, 2002, №3-4. С. 87-91
5. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В. Данилова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 11

6. Там же.
 7. Там же. С. 30
 8. Thiis-Evensen, Thomas. Archetypes in architecture. New York: Oxford University Press; Oslo: Norwegian University Press, 1989
 9. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В. Данилова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 30
 10. Интересно, что образ небоскреба как воплощение американского свободолюбивого духа – это центральная метафора романа «Источник» писательницы и философа Айн Рэнд – вот уж кого никак не упрекнуть в излишней симпатии к государству и власти! См.: Рэнд А. Источник. М.: Альпина Паблишер, 2020.
 11. Там же. С. 396
 12. Цит. по: Willis C. Form Follows Finance: Skyscrapers and Skylines in New York and Chicago.
 13. Vale, Lawrence. Architecture, power and national identity. Abingdon, Routledge. 2014.
 14. Sonne, Wolfgang. Urbanität und Dichte im Städtebau des 20. Jahrhunderts. Berlin, Dom Publishers, 2014.
 15. Gordon, David (ed.) Planning Twentieth Century Capital Cities. London, Routledge. 2009
 16. Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013
 17. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В. Данилова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 37
 18. Там же. С. 29
 19. Там же. С. 51
 20. Там же. С. 136
 21. Там же. С. 137
 22. Там же. С. 141
 23. Там же. С. 191
 24. Там же.
 25. Там же. С. 193
 26. Там же. С. 209
 27. Там же. С. 231
 28. Там же. С. 234
 29. Там же.
 30. Там же. С. 272
 31. Там же.
 32. Там же. С. 321
 33. Там же. С. 322-323
 34. Там же. С. 328
 35. Вспоминается остроумное замечание российского историка Сергея Медведева: «Россия – это страна не соборности, а заборности». Что, может быть, это соображение просто опровергает гипотезу об особом пути России: в этом отношении она включена в глобальный мир.
 36. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность / пер. с англ. А. Королева; под науч. ред. В. Данилова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 452
 37. Там же. С. 414
-

References:

1. Veber M. Istoriya hozyajstva. Gorod. M.: Kanon-Press-C.; Kuchkovo pole, 2001. 576 s.
2. Zimmel' G. Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' // Logos, 2002, '3-4. [Elektronnyj resurs] URL: <https://magazines.gorky.media/logos/2002/3/bolshie-goroda-i-duhovnaya-zhizn.html>
3. Zimmel' G. Florenciya // Logos, 2002, '3-4. S. 87-91
4. Rossman V. Stolicy. Ih mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i peremeshcheniya. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2013. 336 s.
5. Rend A. Istochnik. M.: Al'pina Pablisher, 2020. 808 s.
6. Terborn J. Goroda vlasti. Gorod, naciya, narod, global'nost' / per. s angl. A. Koroleva; pod nauch. red. V. Danilova; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2020. 472 s.
7. Gordon, David (ed.) Planning Twentieth Century Capital Cities. London, Routledge. 2009.
8. 320 pp.
9. Sonne, Wolfgang. Urbanitat und Dichte im Stadtebau des 20. Jahrhunderts. Berlin, Dom Publishers, 2014. 360 pp.
10. Thiis-Evensen, Thomas. Archetypes in architecture. New York: Oxford University Press; Oslo: Norwegian University Press, 1989
12. Vale, Lawrence. Architecture, power and national identity. Abingdon, Routledge. 2014. 400
13. pp.
14. Willis C. Form Follows Finance: Skyscrapers and Skylines in New York and Chicago. Princeton, NJ: Princeton Architectural Press, 1995. 333 pp.

Политическое как урбанистическое: о книге Йорана Терборна «Города власти: город, нация, народ, глобальность»

Шарова Вероника Леонтьевна

Институт философии РАН

Российская Федерация, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

Статья представляет собой обзор основных положений новой книги Йорана Терборна – социолога, профессора Кембриджского университета. Город как политический и символический феномен рассматривается автором книги через призму четырех социальных сил: городской, национальной, народной и глобальной, причем этот анализ опирается на впечатляюще масштабный объем исторических и эмпирических данных. В статье в первую очередь рассмотрены те аспекты исследования Терборна, которые касаются модернизации, нациестроительства и глобализации – взаимосвязанных процессов, во многом определивших контуры и ландшафт современной цивилизации, прежде всего в её урбанистическом измерении.

Ключевые слова: власть, город, социология города, национальное государство, глобализация, сообщества, модернизация, символы власти, народ

Дата публикации: 31.12.2020

Ссылка для цитирования:

Шарова В. Л. Политическое как урбанистическое: о книге Йорана Терборна «Города власти: город, нация, народ, глобальность» // Полилог/Polylogos. – 2020. – Т. 4. – № 4.

URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110013293-4-1/> DOI: 10.18254/S258770110013293-4